

4. Люксембург А.М. Вивиан Дамор-Блок и вивисекция слова: Английская проза Владимира Набокова // Набоков В.В. Американский период. Собрание сочинений в 5 т. - СПб.: Симпозиум, 1997. – Т.1. – С. 9-23.
5. Набоков В.В. Собр. соч. русского периода: В 5 т. – СПб.: Симпозиум, 1999.- Т. 1-2; СПб., 2000. – Т. 3-5.
6. Набоков В.В. Собр. соч. американского периода: В 5 т. – СПб.: Симпозиум, 1997.- Т. 1-4; СПб., 1999. – Т. 5.
7. Розенгрант Дж. Владимир Набоков и поэтика изображения. Двужычная практика // В.В. Набоков: pro et contra. – СПб.: РХГИ, 1997. – Т.2. – С. 929-955.

Надійшла до редколегії 10.05.11

УДК 821.111-31.09

Е. Н. Бессараб

г. Днепропетровск

РЕЦЕПЦИЯ РОМАНИСТИКИ Ш. БРОНТЕ В ЗАРУБЕЖНЫХ ИССЛЕДОВАНИЯХ

Розглядається специфіка сприйняття творчості Ш. Бронте зарубіжними, переважно британськими, дослідниками різних періодів.

Ключові слова: роман, фемінізм, літературний феномен.

Рассматривается специфика восприятия творчества Ш. Бронте зарубежными, преимущественно британскими, исследователями разных периодов.

Ключевые слова: роман, феминизм, литературный феномен.

The article deals with the specific character of Charlotte Brontë's works reception by foreign, mainly British, researchers of different periods.

Key-words: novel, feminism, literary phenomenon.

Творчество сестер Бронте, в частности Шарлотты, всегда было и остается предметом большого интереса литературоведов разных стран, начиная с XIX века и до нашего времени. Несмотря на обширный спектр вопросов, рассмотренных критиками и исследователями предыдущих столетий, в XXI веке внимание к работам английской писательницы не убывает, а, наоборот, подогревается периодическим появлением «из глубины веков» то одного, то другого ранее не известного произведения, созданного юной Ш. Бронте. В данной статье мы попытаемся выявить те аспекты жизни и творчества Ш. Бронте, которые вызвали наибольший интерес исследователей, и прояснить динамику литературоведческих трактовок с периода жизни Ш. Бронте и до нашего времени.

Британских и других зарубежных исследователей так называемый «феномен сестер Бронте» интересовал с момента выхода в свет романа «Джейн Эйр» (1847). Естественно, что первыми откликами на творчество Ш. Бронте стали рецензии на роман в разнообразных журналах и газетах XIX века («Atheneum», «The Spectator», «The Examiner»). Одним из главных вопросов, обсуждавшихся в большинстве этих статей, был изначально запутанный вопрос идентификации личности автора. Версий возникло множество. Кто-то был уверен, что автор «Джейн Эйр» – женщина, кто-то – что мужчина. Некоторые критики воспринимали романы «Джейн Эйр», «Грозовой перевал» и «Агнесс Грей» как творения одного автора, выпущенные под разными псевдонимами. При этом большинство критиков отмечали «оригинальность и силу»

этих произведений. Кроме того, дискуссии велись относительно правдивости и неправдоподобия историй, изложенных в романах, а также моральности их авторов. Одни критики отмечали «новизну и свежесть, смелость и силу голоса автора» в романах, другие критиковали смелую «до неприличия» подачу романтического и сексуального содержания романа [2]. Например, неизвестный критик в статье журнала «The Spectator» (6 November, 1847) назвал «моветоном» невероятное поведение Рочестера, где тот рассказывает историю своей любви наемной гувернантке. Британские критики считали подобные эпизоды вульгарными и неуместными, а американские критики – «пагубно влияющими на добродетель молодых читателей» [25]. Однако другая часть критиков воспринимала роман «Джейн Эйр» как гравственный и правдивый, принимая во внимание «победу разума над чувством» [1, с. 78–79]. Такое разнообразие точек зрения обусловлено различием политических, религиозных и классовых приоритетов периодических изданий, где публиковались рецензии на роман Ш. Бронте. «The Examiner», например, хвалил, а «The Christian Remembrancer» ругал Бронте за индивидуализм и презрение общепринятой морали. Однако большинство критиков сходились во мнении о том, что «Джейн Эйр» – роман, захватывающий внимание читателя и не отпускающий до самого конца. «“Джейн Эйр” настолько меня заинтересовал, что я потратил (или приобрел) целый день на его чтение в самый занятый период», – писал У. М. Теккерей В. С. Уильямсу, приславшему ему в самый разгар работы над романом «Ярмарка тщеславия» копию романа Бронте [21, с. 70]. Известный критик того периода Джордж Генри Льюис обратил внимание на «особую глубину и правдоподобие романа»: «Реальность – глубокая, значительная – главная характеристика этой книги» [14, с. 84]. Он же отметил общий для всех романов Бронте особый психологизм, «соединение внешнего выражения с внутренними переживаниями» [14, с. 86].

Следующий роман Ш. Бронте, «Шерли» (1849) воспринимался критиками более спокойно, чем предыдущий. Отмечалась некая неуклюжесть его построения при довольно правдоподобном изображении йоркширских пейзажей и характеров. Дж. Г. Льюис, авторитетный советчик Ш. Бронте, не воспринял «Шерли» как произведение искусства. В статье для «Edinburgh Review» он назвал его «неинтересным и нехудожественным, с вульгарностью редкой даже для мужчин-авторов» [14, с. 165]. Последний заверченный роман Ш. Бронте, «Виллет» (1853) получил в целом благоприятные отзывы, в некоторой степени обусловленные, по мнению Кристин Александер, знанием и осознанием критиками жизненных перипетий самого автора. Так, Дж. Г. Льюис в статье для «Edinburg Review» назвал книгу «выражением оригинального ума, способного на всевозможные сильные эмоции», «работой изумительной силы» [14, с. 210–211].

В 1850-е гг. все семейство Бронте было в центре внимания критиков и читающей публики, не устававших удивляться наличию яркого таланта у людей с такими трудными судьбами. Работа Э. Гаскелл «The life of Charlotte Bronte» (1857) еще более усилила интерес к «феномену Бронте» и подтвердила мнение о врожденном гении и таланте этой семьи в целом и Шарлотты Бронте, в частности [8]. После успеха и популярности автора «Джейн Эйр» в две последующие декады (1860–70) наблюдалось некое затишье в исследованиях

творчества Ш. Бронте. Было издано несколько статей, темой которых были вопросы авторской субъективности и автобиографичности образов. В своей статье «Charlotte Bronte's Lucy Snowe» в журнале «Harper's Monthly» (Feb., 1866) Сьюзен М. Уорринг называет героиню Ш. Бронте Люси Сноу «героиней, наиболее вобравшей в себя личный опыт автора» [27, 3, с. 631]. Отвергая идею об абсолютной идентичности Люси и самой писательницы, и абсолютной автобиографичности героини, С. М. Уорринг воспринимает героиню как идеального «медиума для выражения авторского опыта и темперамента» [27, 3, с. 631]. Появляются множество биографических исследований о Бронте, самым значительным из которых (после книги Э. Гаскелл), на наш взгляд, является книга Клемент К. Шортера «Charlotte Bronte and her circle» (1896). По словам самого биографа, его работа – это своего рода дополнение книги Элизабет Гаскелл, так как в нее вошла значительная часть переписки и других личных материалов, документов Ш. Бронте, которые не учла в работе ее коллега и современница [22]. Биографический подход к изучению творчества Ш. Бронте во многом стимулировал появление в 1890-х гг. общества Бронте в Хоурте. В работах биографической школы этого периода основной задачей становятся попытки выявить тот или иной прототип персонажей Бронте (Robert Smith Keating's Tatler essay (1902); Mrs Ellis H. Cadwick's 'In the footsteps of the Brontes', 1914), сущность отраженных в романах обстоятельств жизни писательницы и английского общества ее времени, обнаружить истоки сюжетов ее произведений [13; 17. v3, p. 479–482]. Одной из наиболее значимых работ этой школы до сих пор считается книга Херберта Э. Рута «Sources of Charlotte Bronte's novels: Persons and places» (1935) [31]. При неизменном интересе исследователей к биографическим аспектам творчества семьи Бронте, начиная с 1860х гг., заметна перекомпоновка в интересе к творчеству каждого из членов этой творческой семьи: период огромного интереса к творчеству Шарлотты сменился подъемом интереса к творчеству Эмили Бронте. Справедливым и убедительным кажется суждение современного литературоведа Кристин Александер, которая считает, что причиной роста популярности творчества Эмили стало «ослабление моральных устоев в конце XIX века». В результате то, что воспринималось ранними критиками как «грубое и аморальное», для исследователей 1890-х гг. стало нормальным, а романы Шарлотты Бронте – чересчур степенными и скучноватыми [10, с. 143]. «Джейн Эйр» больше не читают», – отмечала Маргарет Олифент в статье для Блеквудского журнала, – «книгу едва ли можно найти где-либо, кроме старомодных библиотек... она подходит лишь для чтения на отдыхе, как напоминание о прошлых счастливых днях викторианской эпохи» [11, с. 757–758]. Кристин Александер приводит мнение своего неизвестного, но «проницательного» современника, предположившего, что спад интереса к Ш. Бронте, наблюдавшийся в обозначенный период, был своего рода временем переосмысления творчества Ш. Бронте, периодом подготовки к возникновению серьезных научных исследований в конце XIX столетия [1]. Интерес исследователей этого периода фокусируется вокруг личности Ш. Бронте и ее отражения в произведениях писательницы. Совпадают мнения В. Вульф и исследовательницы творчества Бронте Мисс Хемпри Ворд о том, что единственной привлекательной чертой произведений Ш. Бронте является «наполненность романов собственной личностью автора..., сосредоточенного на себе и ограниченного

собой» [18, v 3, с. 69]. В. Вульф отдавала предпочтение Эмили Бронте из-за ее способности быть более объективной в передаче своих чувств в диалоге, действии, что позволяло читателю принимать эти эмоции не благодаря восторженным речам, а благодаря силе драматизма произведения [30, v 3, с. 71].

Начиная с 1940-х гг. количество публикаций о Ш. Бронте стремительно росло. Роман «Джейн Эйр» оставался наиболее исследуемым, но и романы «Шерли» и «Виллет» также получили немало новых трактовок и высоких оценок. К творчеству Ш. Бронте вернулся прежний статус «достойного внимания критики литературного явления». Так, Ричард Чейз («The Brontes: A centennial observance», 1947) впервые обратил внимание на образные структуры в романе «Джейн Эйр» [9, с. 487–506]. Для исследователя большим достижением Бронте было умение «перевести викторианскую социальную ситуацию в мифологические и символические формы» [9]. Женские же образы Бронте Р. Чейз называл «культовыми героинями», своеобразным женским противовесом XIX века мужскому «культовому герою» (Геркулесу, Прометею) [9]. Под влиянием развивающегося феминизма в 1960-х гг. интерес к романам Ш. Бронте значительно возрос. В 1966 г. Р. Б. Мартин назвал роман «Джейн Эйр» первым главным феминистическим романом [16, с. 83]. А включение романа «Джейн Эйр» в антологию профессора Калифорнийского университета, литературного критика и поэтессы Сандры М. Гилберт и профессора университета в Индиане Сьюзен Кубар «Norton Anthology of literature by Women» (1985) лишь подтвердило мнение. Еще одна сторонница феминистической теории Гаятри Спивак (1985) назвала роман «Джейн Эйр» «культовым текстом феминизма» [23]. С тех пор представителями феминистического направления роман Ш. Бронте рассматривался как история о женщине, которая борется за самоопределение в рамках подавляющей системы патриархата. Оппонируя вышеназванным авторам, наша современница Дебра Уоллер в своей статье «Avoiding dangerous sexuality in Jane Eyre» [26] подчеркивает, что, хотя «Джейн Эйр» и называют феминистическим романом, страстный монолог Джейн об идентичности женской и мужской души взывает к равенству только на эмоциональном уровне. Джейн никогда не поднимает вопрос об ограниченном выборе занятий, доступных женщине, ни о своем подчиненном положении, хотя она верит в самоопределение, однако не является «новой женщиной» в достаточной степени, чтобы отвергнуть принятые условности викторианской морали. Эту позицию подтверждают слова самой героини: «Я буду следовать законам данным Богом; санкционированным человеком. Я буду придерживаться принципов, усвоенных в здравом уме, а не в безумии, как сейчас...» [5, с. 314]. Что касается реализации «женского вопроса» в творчестве Ш. Бронте, мнения критиков различных периодов при наличии своих вариаций, все же имеют общий знаменатель. Исследователи XX и XXI веков, как отечественные, так и зарубежные, видят в протесте Джейн Эйр проявление борьбы за права женщины в контексте отстаивания прав человека, в целом.

Влиятельным исследованием творчества Ш. Бронте обозначенного периода была также работа Роберта Хейлмена «Charlotte Bronte's New Gothic» (1968), в которой автор, рассматривая специфику «готического» в творчестве Ш. Бронте, назвал основной его функцией не стремление «напугать» читателя, а передать

чувство, особенно сексуальное, так, чтобы это было приемлемо для викторианского общества, викторианской морали [11]. Литературоведов XX века (Дж. Прескотта, У. Маршалла, Б. Харди, Л. Десснера) интересуют религиозные аспекты творчества Ш. Бронте. Воспринимая «Джейн Эйр» как религиозный роман, исследователи рассматривают его с точки зрения воплощения в нем провиденциальной эстетики [7, 10, 15, 20]. Так, американский исследователь Джозеф Прескотт (1960), видит в автобиографии Джейн иллюстрацию конца божественного [20]; британская исследовательница Барбара Харди (1964), счастливый финал считает не просто логическим завершением искренней любви, а «божественной волей» [10, с. 28, 68]; а Р. Б. Мартин, подтверждая религиозный характер «Джейн Эйр», определяет его как произведение, в котором «усовершенствованный герой и героиня становятся микрокосмом человеческого стремления к христианскому вознаграждению» [16, с. 81]. Для Лоуренса Десснера «Джейн Эйр» – роман, выражающий непоколебимую веру в божественную справедливость, веру, которой уже нет в «Шерли» и «Виллете» [7, с.79]. Воспринимая книгу Ш. Бронте как историю возрастающего осознания Джейн роли провидения в ее жизни (Дж. Бити), исследователи выводят из содержательной структуры «Джейн Эйр» следующую философскую концепцию: «Бог помогает тем, кто с терпением, самопожертвованием, самоуважением, усердно трудясь, помогает сам себе» (Т. Вергиш) [4, с. 624, 651; 24, с. 60].

С 1940-х по 1970-е гг. в изучении творчества Бронте преобладают новые подходы, сторонники которых исследовали формальные характеристики текстов и предостерегали апологетов биографического подхода от ошибочного восприятия текста лишь как «выяснения того, что хотел сказать автор» [1, с. 147]. Так, многие критики указанного периода отошли от биографического метода и направили свои усилия на изучение романов Ш. Бронте как текстов вне каких-либо экстралингвистических факторов. В 1970-х гг. интерес к творчеству Бронте не угасает, но происходит переоценка мнений. Большинство критиков, включая феминистскую школу, ставят под сомнение незыблемость метода «прояснения смысла» произведения путем выявления формальных черт и структур текста. С 80-х гг. все больше литературоведов соглашались с мнением о невозможности отделять внутреннюю структуру текста от внешнего контекста, в котором создавалось это произведение, этот текст.

Литературоведению последних 20 лет XX столетия присущ интерес к разнообразным аспектам творчества Ш. Бронте. Появилось множество работ, посвященных многоаспектному рассмотрению творчества Ш. Бронте (У. Джерин, Т. Дж. Уиннифрит, М. Эллот, Дж. Баркер и другие). Внимание уделялось поэтике романов писательницы, языку, особенностям художественного мира Бронте (Э. Макнилз, В. Г. Майер, К. Тиллотсон, Кр. Александер). Современных исследователей интересуют особенности поэтики романа «Джейн Эйр», в частности характер образности (Эрин Уэллс «Fighting back», 1993, Мэри Швинген «Natural Imagery in Jane Eyre», 1994, Марк Джексон «Passion, contradiction and imagery in Charlotte Bronte's Jane Eyre», 1994). Одной из широко обсуждаемых современными литературоведами тем романа является тема страсти, чувства Джейн Эйр. Как и большинство исследователей, Уэнди Уон называет главной функцией образов природы и стихий у Бронте акцентирование эмоциональных состояний и

психологических характеристик героини и рассматривает в своей статье «Images of passion in Jane Eyre» [29] образы-символы, которые писательница использует для передачи чувств героини. Особый интерес для исследователя представляет образ огня, который ассоциируется с эмоциями Джейн и проходит как сквозной образ через весь роман. Другая исследовательница, Эрин Уэллс, выделяет анималистическую образность, которую Ш. Бронте использует для описания «нецивилизованных» проявлений личности, в основном, Джейн. В доме тетки юную Джейн называют не иначе как «a rat», «a mad cat» за ее эмоциональную несдержанность и нетерпимость к несправедливости [28]. А для Марка Джексона наиболее ярким оказывается образ корабля, качающегося на волнах, который символизирует внутренние колебания Джейн относительно выбора между чувством и благоразумием [12].

Творчество Ш. Бронте интересно сегодня литературоведам разных направлений. Так, структуралисты изначально мало интересовались работами Ш. Бронте, считая их «бесформенными» по сравнению с романом ее сестры Эмили, который, как им казалось, обладал четкой целостной структурой. Однако более поздние апологеты этой школы (Роберт Мартин, Граф Низ, Венди Крейк) находят в творчестве Ш. Бронте много интересного. Они выделяют бинарные оппозиции образов в романах Ш. Бронте, пары, подчеркивающие постоянное пребывание центрального персонажа в состоянии конфликта: огонь-вода, красное и белое, Рочестер и Сент-Джон, Риды и Риверсы, Элен и Берта и т.д. Источником этих оппозиций структуралистка 70-х гг. Синтия А. Линдер называла поэтику романтизма. Рассматривая известные оппозиции в «Джейн Эйр» с точки зрения мифологизма, Роберт Хайлмен трактует образ восходящей луны как ключевой в бронтевской разработке «конфликта между разумом-суждением-здравым смыслом и чувством-воображением-интуицией», обозначая ситуацию, с которой столкнулась Джейн в ходе своего психологического развития. Эта оппозиция, выраженная характерными для Бронте средствами, распознается через архетипичные образы бога солнца и «Белой богини» луны [11]. Один из немногих структуралистов, продолжавших изучение творчества Ш. Бронте в 1990-х гг. – Джером Бити – с убежденностью пытается доказать, что если при анализе текста не исключать внетекстовые вопросы (биографию автора, историко-культурный контекст), то трактовки романа неизбежно отклоняются от текстуальной направленности в сторону экстратекстуального опыта [4]. Популярны тексто-ориентированные психоаналитические работы по творчеству Ш. Бронте, не принимающие во внимание социально-политический контекст их создания. Роберт Колби, например, отмечал выражение инстинктивных страстей в романе «Виллет» через символы сна и предвосхищение модернистской техники потока сознания [6].

Важным и новым аспектом творчества Ш. Бронте, привлечшим внимание исследователей, являются ранние произведения писательницы, увидевшие свет уже в нашем столетии. Впервые о существовании юношеских работ писательницы сообщила первый биограф Ш. Бронте, ее современница, коллега и подруга Э. Гаскелл. Как упоминалось ранее, работа Э. Гаскелл – биографическое повествование, содержащее материалы переписки Ш. Бронте и биографическую информацию о ней, собранную автором книги после смерти писательницы. Именно

из цитируемых автором книги писем Бронте мы узнаем о факте написания детьми Бронте историй о приключениях 12-ти «отважных» путешественников, позже завоевателей новых земель. Из переписки писательницы становится известно о неспособности Ш. Бронте совладать с «игрой множества красок и оттенков» ее воображения, а позже – об исчерпанности юношеской тематики и смене писательницей направленности своего творчества (о переходе от романтического к реалистическому способу изображения действительности) [8]. Уточняя и корректируя информацию, изложенную в книге Э. Гаскелл, второй биограф Ш. Бронте, К. К. Шортер, подчеркивает, что рукописей ранних произведений писательницы было в два раза больше, чем обозначила Э. Гаскелл. Далее биограф предлагает примерный перечень тех буклетов – крошечных рукописей, которые стали результатом творчества детей Бронте, их даты написания, и о чрезмерном увлечении юной Шарлоттой образом герцога Веллингтона [22]. Первым литературоведческим исследованием юношеского литературного наследия Ш. Бронте стала книга современного литературоведа профессора университета of New South Wales, члена Австралийской Академии гуманитарных наук Кристин Александер (1983, 1985) [1]. Ориентированная на новизну и сложность материала, книга включает в себя несколько разделов, посвященных прояснению основных событий и взаимосвязи персонажей в раннем творчестве Ш. Бронте. Данная работа помогает исследователю юношеских работ «juvenilia» Ш. Бронте, не знакомому с ними, понять «кто есть кто» и «что происходит в произведении», вводит в мир юношеского творчества писательницы.

В конце XX столетия опубликовано несколько сборников, в состав которых вошли отредактированные их издателями несколько наиболее удачных ранних историй Ш. Бронте. Среди них «Мина Лоури»(1838), «Генри Гастингс»(1939) и другие. Одним из современных редакторов ранних произведений Ш. Бронте является и вышеупомянутая исследовательница Кр. Александер [1]. Она же на данный момент является практически единственным зарубежным литературоведом, фундаментально исследующим творчество Ш. Бронте. В целом, ориентируясь на изучение раннего творчества англоязычных авторов XIX века, К. Александер в своей книге «The Oxford companion to the Brontes» (2006), созданной в сотрудничестве с британской исследовательницей, Вице-Президентом Общества Бронте Маргарет Смит, приводит факты о разнообразных аспектах жизни и творчества семьи Бронте [2]. Эта книга является фундаментальной энциклопедией о жизни и творчестве Ш. Бронте и ее семьи.

Анализ литературоведческих исследований творчества Ш. Бронте убеждает в наличии разнообразия методов и аспектов, хотя, как и прежде, доминирует биографический подход. Но если критиков XIX века привлекала тайна личности автора романа «Джейн Эйр», предпосылки формирования ее таланта и автобиографизм романов Ш. Бронте, система ценностей ее героев (героинь) и отражение жизни общества в произведениях писательницы, то литературоведов XX столетия в большей мере интересуют вопросы поэтики, метода и жанра ее романов. Литературоведы XXI века уделяют внимание вопросам гендерных отношений в романах Ш. Бронте и изучению «феномена сестер Бронте» в целом. Писательница воспринимается как создатель «нового типа» героини, ее «демократической»

разновидности – сильной, волевой, способной постоять за себя и заявляющей о гендерном равенстве прав на чувства, мысли и общественную деятельность. При всем многообразии аспектов изучения творчества Ш. Бронте и ранними критиками, и современными литературоведами начальный этап творчества английской романистки пока остается малоизученной областью как в зарубежном, так и в отечественном литературоведении.

Библиографические ссылки

1. Alexander Christine. The early writings of Charlotte Bronte/ Chr. Alexander. – Cr.Br., Billing & Sons Ltd., Worchester, 1983.
2. Alexander Christine and Smith Margaret. The Oxford companion to the Brontes/ Chr. Alexander, M. Smith. – Oxford: University press, 2006. – P. 143, 147.
3. Azim Firdous. The Colonial Rise of the Novel/Firdous Azim. – Publisher: Routledge. – New York, 1993. – Page Number: iii.
4. Beaty Jerom. Jane Eyre and genre/ J. Beaty.– P. 624, 651.
5. Bronte. Ch. Jane Eyre. – Lnd: Penguin popular classic – P. 314.
6. Colbey R.A. Villette and the Life of the Mind/Robert A. Colby. – Modern Language Association.- Vol.75, No.4 (Sep., 1960), pp.410-419//<http://www.jstor.org/stable/460603/>
7. Dessner Lawrence. The homely web of truth: A study of Ch. Bronte's novels/ Lawrence Dessner//The Hague: Morton, 1975. – P. 79.
8. Gaskell E. The life of Charlotte Bronte/Gaskel E. – London: Smith, Elder & Co., 1857. – 2 volumes.
9. Chase R. The Brontes: A centennial observance/R. Chase//Kenyon Review, 9 – 1947, 487-506.
10. Hardy T. Jane Eyre. Notes on English Literature Series/T. Hardy//Oxford: Basil Blackwell, 1964. – P.68, 29.
11. Heilman R.B. Charlotte Bronte's 'New' Gothic. From Jane Austen to Joseph Conrad. [Ed. R.C. Rathburn and M. Steinmann, Jr.]/R.B. Heilman. – Minneapolis: U of Minnesota P, 1958.
12. Jackson M. Passion, contradiction and imagery in Charlotte Bronte 's Jane Eyre/Mark Jackson. – Brown University, 1994//<http://www.victorianweb.org/authors/bronte/cbronte/73contra.html>
13. Keating Robert Smith. Tatler essay / R.S. Keating. – 1902.
14. Lewes George Henry. Currer Bell's Shirley. - Edinburgh Review, 91 (Jan. 1850), 153–173/G.H. Lewes//Allot, P.84; 86; 165; 210-211.
15. Marshall William. The world of the Victorian novel/William Marshall. – London: Thomas Yoseloff, 1967. – P.130, 158.
16. Martin R.B. The accents of persuasion: Charlotte Bronte's novels/R.B. Martin. – London: Faber, 1966. – P.81, 83.
17. Mrs Ellis H. Chadwick. In the footsteps of the Brontes/E.H. Chadwick. – Haskell House Publishers, 1971 – 502p.
18. Mrs Humphry Ward. Introduction/H. Ward//E. Bronte. Wuthering Heights. – Haworth, 1900.
19. Oliphant Margaret //Blackwood's, June, 1883 – P.757-8.
20. Prescott Joseph. Jane Eyre: A romantic exemplum with a difference/J.Prescott. – Detroit: Wayne State Univ. Press, 1960
21. Jane Eyre: An autobiography / unanimous author // The Christian Remembrancer, 1848 [Электр. пецып] // <http://www.archive.org/stream/christianrememb24scotgoog#page/n404/mode/2up>
22. Shorter C.K. Charlotte Bronte and her circle. [Second edition completing fifth thousand]/C.K. Shorter. – Hodder & Stoughton, 1896.
23. Spivak Gayatri. 3 women's texts and on critique of Imperialism. An essay/G. Spivak//Critical Inquiry, 12, 1985 – P.511.
24. Varguish Thomas. The providential aesthetic in Victorian fiction/T. Varguish. – Univ. press of Virginia; Charlottesville, 1985 – P.60.
25. Victory of mind over matter...reason over feeling/unanimous author//The Spectator-6 November,1847.

26. Waller Debra G. Avoiding dangerous sexuality in Jane Eyre/D.G. Waller - Leeds Metropolitan University, UK [Електр. ресурс]//<http://www.victorianweb.org/authors/bronte/cbronte/waller4.html>
27. Waring Susan M. Charlotte Brontë's Lucy Snow /S.M. Waring//Harper's New Monthly Magazine, 32: 189 (Feb. 1866). - P. 368–372
28. Wells Erin. Strength in times of sorrow/Erin Wells [Електронний ресурс]. – 1993//<http://www.victorianweb.org/authors/bronte/cbronte/61brnt19.html>
29. Wendy Vaughn. Images of passion in Jane Eyre/W. Vaughn/. - Brown University, 1993//<http://www.victorianweb.org/authors/bronte/cbronte/61brnt2.html>
30. Woolf Virginia. Jane Eyre and Wuthgering Heights. [An essay]/V. Woolf// McNeese, 3.69; 3.71.
31. Wroot Herbert E. Sources of Charlotte Brontë's novels: Persons and places/H. Wroot//Publications of the Bronte Society, suppl. to vol.8 (4), 1935.

Надійшла до редколегії 21.04.2011

УДК 811.11'38

І. С. Білоконенко

м. Дніпропетровськ

ПОЕТ У ПРИДВОРНІЙ КУЛЬТУРІ АНГЛІЇ ЄЛИЗАВЕТИНСЬКОЇ ЕПОХИ

Проаналізовано причини появи і рольовий статус поета «нового типу», розвиток національних жанрових традицій, художня значимість для елизаветинського періоду творчості Ф. Сідні й Е. Спенсера.

Ключові слова: Відродження, елизаветинська епоха, придворна культура, сонет, Ф. Сідні, Е. Спенсер.

Проанализированы причины появления и ролевой статус поэта «нового типа», развитие национальных жанровых традиций, художественная значимость для елизаветинского периода творчества Ф. Сидни и Е. Спенсера.

Ключевые слова: Возрождение, елизаветинская эпоха, придворная культура, сонет, Ф. Сидни, Е. Спенсер.

The author analyzed the causes of the status and role of the poet of a "new type", the development of national traditions of the genre, the artistic relevance of creativity F. Sidney and E. Spencer to the Elizabethan period.

Key words: Renaissance, Elizabethan epoch, Elizabethan court culture, sonnet, F. Sydney, E. Spencer.

Єлизаветинська епоха вважається одним з найцікавіших періодів в історії Англії. Поширення дипломатичний зв'язків Англії з країнами континенту у зв'язку з Реформацією сприяло проникненню в її культуру ренесансних ідей і затребувало їхніх досягнень. Завдяки цим рушійним процесам в Англії з'явився придворний «нового типу», людина, яка відповідала високим стандартам освіченого суспільства періоду Відродження. Двір Єлизавети I став центром гуманістичної культури. У працях вітчизняних і зарубіжних англів існує стійка тенденція до розкриття ролі митця у придворній культурі Англії (Л. Асланов, І. Бурова, Б. Віппер, Д. Грін, О. Дмитрієва, М. Попова, Л. Привалова, А. Савченко, Д. Соколов, М. Шаповалова, А. Kent Nieatt, І. Daniel та інш.). Разом з тим визначення ролі поета елизаветинської епохи поки що потребує подальшого систематичного вивчення. Аналіз цього процесу в руслі вітчизняної наукової традиції, який передбачає розгляд творчості